

ЕВГЕНИЙ
ГРИШКОВЕЦ

ЕВГЕНИЙ
ГРИШКОВЕЦ

ДВА МАЛЕНЬКИХ
РОМАНА

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)—44
Г85

Оформление обложки
Серж Савостьянов

Гришковец Е.В.
Г85 Два маленьких романа. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-389-17013-1

«В последнее время я что-то не смотрел новости. И вообще не смотрел телевизор. Раньше я не то чтобы любил новости, я жить без них не мог. Каждое утро смотрел несколько новостных выпусков на разных каналах. Сравнивал, как подаются разными каналами одни и те же факты. Мне было ужасно важно знать, какие перемещения происходят в правительстве, как идёт борьба с коррупцией, каковы последствия тайфуна, обрушившегося на Сахалин, что нового в области авиаразработок, а также экология, спорт, погода. Мне всё было интересно.

А теперь стало ясно, что ничего интересного, а точнее, значительного не происходит. Нигде! Ни в мире, ни вот за этими стенами. Ничего значительного. Зачем смотреть новости, если там будут только некрасивые лица, которые будут что-то говорить, и в основном неправду. Может быть, в новостях ещё покажут какие-то животноводческие хозяйства и, на худой конец, лесные пожары где-нибудь в Канаде. Но там, во-первых, лесов много, а во-вторых, там умеют тушить пожары. Зачем это смотреть? Ясно же, что сейчас всё происходит только со мной. Мир может отдохнуть... Сейчас я в эпицентре... точнее, эпицентр — это я и есть».

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)—44

ISBN 978-5-389-17013-1

© Евгений Гришковец, 2019
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019
КоЛибри®

Рубашка

Посвящается Л...

Я проснулся утром и сразу подумал, что заболел. Не почувствовал, а именно подумал. Мысль была точно такой же, как когда просыпаешься в первый день каникул, которых ты так ждал.. Вот просыпаешься и думаешь: «А почему мне не весело, почему я не рад, где счастье, которого я так ждал?.. Наверное, я заболел!..»

Я проснулся, как будто меня включили. Я не вздрогнул, не потянулся, не издал никакого звука, я просто открыл глаза. Точнее один глаз, другой был прижат к подушке. Ещё я стал слышать. И я увидел и услышал...

Увидел край подушки, ткань наволочки, близко-близко к открытому глазу. Подушка была едва освещена синеватым светом. Было рано, и была зима. Вообще-то было ещё совсем темно, но в окно падал обычный городской синеватый утренний свет — смесь света белых уличных фонарей и уже зажжённых жёлтых окон дома напротив и... моего дома. Почему-то эта смесь всегда синеватая; вечером она приятная, а утром... невыносимая.

Я услышал много звуков. Это звучал город. Огромный город. Я слышал, конечно, не весь город, и это были не звуки какого-то «городского пульса» или что-то в этом роде.

И это были звуки даже не просыпающегося города, город давно уже проснулся... Я слышал, как люди, живущие в моём доме, покидают его... Они шли на работу или влекли куда-то своих детей: звуки шагов по лестницам, гудение лифта, минутно повторяющийся стон и стук входной двери подъезда. Я слышал, как с задержкой и как бы безнадёжно махнув рукой на всё, заводились во дворе автомобили. А фоном всему этому, там... чуть дальше... там, звучал проспект.

Я проснулся. Я не почувствовал тела, нет. Проснулась голова. Я ощутил только голову. И в этой голове был я. У меня открылся один глаз, я стал слышать, и я не был этому рад.....

Мне так захотелось снова вернуться в сон. Не в том смысле, что я видел какой-то чудесный сон, а в том смысле, что уснуть. Так захотелось смалодушничать и позвонить всем-всем, сказать, что я заболел, наврать, и всё-всё отменить. Отменить ВСЁ, а главное не вставать, не зажигать яркий свет, не умываться и не бриться, не надевать носки... и всё остальное, не выходить из квартиры, позвякивая ключами, не гасить перед уходом свет в прихожей, не давить на кнопку с цифрой «1» в лифте, не выходить на улицу, не делать первый утренний холодный вдох, не садиться в твёрдую, холодную машину... и не ехать в аэропорт, чтобы встретить Макса. Макса, который подлетал сейчас к городу и был неотвратим. Но Макса, моего друга Макса, отменить было невозможно. И значит, нужно было делать это ВСЁ!

А Макс был сейчас совершенно некстати. Так некстати, как может быть только старинный друг, который живёт далеко-далеко, которого искренне ждешь, а он приезжает или прилетает... как всегда некстати. И пару дней... вынь да положь — отдай ему. В смысле: отмени все дела, какие бы они там ни были, и приготовься много говорить, смеяться, пить, есть, и ещё пить... и говорить. Спать, конечно, пару суток не получится... Но это всё очень хорошо... просто некстати.

Совершенно! И особенно в этот раз... Потому что я влюбился. Сильно! Очень-очень сильно. Так, как этого со мной не было. Никогда!

Так что Максим был НЕКСТАТИ!!!

2

Я ехал в аэропорт долго. Снега было много. Не свежего, а такого, раскисшего, грязного снега. Машин было тоже много. Я медленно двигался по окружной дороге. Впереди то гасли, то зажигались красные огоньки: я тоже давил на тормоз. Постоянно казалось, что в полосе слева движение гораздо быстрее. Справа ползли грузовики, все грязные от слякотных брызг. Я слушал радио.

По радио динамично менялись музыка и новости. Сообщили о какой-то авиакатастрофе, я сделал громче. Погибли все пассажиры и члены экипажа. О причинах трагедии говорить было рано. Не исключали версии террористического акта. Я сразу подумал о Максе. Только вот пропустил информацию о месте крушения самолёта. Ага — Пакистан... Разочарование слегка коснулось меня. Я тут же выругал себя за это. Но выругал так... не искренне, без огонька, не талантливо.

Если бы это был самолёт Макса... Это было бы ужасно... Чёрт возьми — это было бы ужасно. Но... Какое «но»... Ужасно!!!

Но у меня был бы такой настоящий повод быть несчастным. А я был бы по-честному несчастным, если бы это был самолёт Макса. Зато я смог бы отлично пить неделю, исчезать куда-то или пить при всех... И все бы сочувствовали. А главное, я смог бы позвонить Ей, прямо сейчас! И сказать, что в той авиакатастрофе, про которую она, конечно, уже слышала, про которую сейчас говорят все, погиб мой старинный лучший, да и, если быть до конца честным, един-

ственный друг. Он погиб, а я не знаю, что мне делать, и поэтому мне необходимо Её немедленно увидеть. Но Макс не погиб. Он подлетал к городу. Он опять меня подвёл.

Макс подводил меня почти всегда. Он не поехал со мной в Москву... Тогда, когда надо было ехать. Он остался. И он, чёрт возьми, не спился там. Не опустился... а, наоборот, процветал. Занимался самыми разными делами, и всегда небезуспешно. Он ужасно меня огорчал тем, что, когда я мыкался и мучился первое время в столице и мне было нужно только одно — информация из Родного города о том, что там всё очень плохо, все спились, опустились... после моего отъезда жизнь остановилась и все страшно скучают, а главное, всех преследует жуткая нищета... Нет! Максим радостно звонил мне и сообщал о своих новых успехах, рассказывал о том, как чудесно живут все знакомые и не знакомые мне люди, какой отличный ресторан открылся недалеко от того дома, где я жил, и что этой осенью какое-то нечеловеческое количество грибов в лесу. Он частенько прилетал в Москву. Привозил обычные домашние гостинцы. Сорил деньгами, веселился, а на третий-четвёртый день начинал поговаривать о том, как он хочет домой. И улетал домой. Я ненавидел его.

Максим женился лет пять назад. Я не поехал к нему на свадьбу. Я вообще старался не возвращаться в родные места. А тут свадьба, причём свадьба Макса, то есть свадьба по полной программе. Я не поехал. Максим обиделся. По-настоящему обиделся. Его жену я ни разу не видел. Только на фотографиях. Он о ней говорил мало, часто ей звонил. Как-то так удалялся куда-нибудь в уголок и звонил жене. Подружек и девок после женитьбы Макс не забыл.. Но именно после его женитьбы мы придумали, точнее, Макс придумал, игру в Хемингуэев. Всю идеологию и терминологию придумал я. Я разработал и стиль и стратегию этой игры. Но сам принцип, саму игровую суть... придумал Макс. Я играл в сто раз лучше его, он часто отвлекался, раскалывался, не доводил

игру до конца или пытался выйти из игры. Я удерживал его, всячески его поправлял.. Я играл отлично, но придумал игру он... После того, как женился.

За пять минут до выхода из дома... перед тем как ехать в аэропорт, я секунды четыре думал, что надеть — свитер или рубашку. Свитер был практичнее и теплее. Но вдруг сегодня удастся встретиться с Ней. Вдруг... найдётся повод Ей позвонить... И найдутся слова, и что-то получится... Тут нужно быть в рубашке. Обязательно! Костюм и галстук — ни в коем случае. Будет нарочито и как-то принуждённо. Джинсы, твидовый пиджак и хорошая рубашка. Очень хорошая. Моя любимая! Белая. Обычная белая рубашка. Но любимая. Я надел её... и отправился встречать Макса.

Я вышел во двор, подошёл к машине, открыл её. Было ещё темно, но во дворе уже осталось немного автомобилей, в основном все разъехались. Я сел в машину, завёл двигатель, и как только я это сделал, зажглись фары автомобиля, который стоял у соседнего подъезда. Я оглянулся на свет; два ярких огня ослепляли меня, так что я не смог рассмотреть ни марки машины, ни человека или людей в ней. Я погрел двигатель минуту и поехал. Фары двинулись за мной, я повернул из двора на улицу; фары светили мне в затылок и в мои зеркала заднего вида. На улице было много машин и фар, но некоторое время я ощущал на себе свет именно тех фар. На проспекте я забыл об этом. Но что-то во мне царапнуло тот самый орган, который отвечает за тревогу...

Рубашка — обязательный элемент одежды для игры в Хемингуэв. Для того чтобы правильно играть в эту игру, нужно очень правильно одеться. В одежде должна отсутствовать заметная продуманность. Всё должно быть как бы небрежным, и в то же время... классным. Одежду нужно выбрать как бы вневременную. Этой одеждой нужно размывать признаки возраста, а стало быть, поколения. Эта одежда кого

угодно должна поставить в тупик по поводу образования, занятий, доходов и социального статуса... того, кто решится играть... в эту странную игру. То есть эта одежда должна сообщить игроку некоторую нездешность, таинственность и намёк на какой-то серьёзный, неведомый жизненный опыт. Белая рубашка — это самое лучшее, что можно выбрать. Конечно, никакого галстука! Ещё неплохо надеть помятый, но хороший и актуальный пиджак. По поводу брюк ничего сказать не могу. Вариантов довольно много. Но вот обувь... должна быть первоклассная. Ботинки классические, этикие английские, потёртые, но ухоженные, правда, без фанатизма. То есть обувь должна быть такой, чтобы можно было сказать: «За этим что-то стоит, не правда ли?!» У Макса со всем этим всегда были проблемы.

Да, и ещё: у игроков в Хемингуэев нет и не может быть другого имени, кроме Эрнест... И во время игры при себе нельзя иметь никаких средств мобильной связи. Это разрушает образ...

В первый раз игра получилась у нас сама собой, но постепенно закрепились какие-то правила и выработались навыки, а точнее, появилась техника... игры.

Одному играть можно, но не очень интересно, всё-таки нужен партнёр — зритель. Втроём не пробовал, но наверное это невозможно. Идеально играть вдвоём. Кстати, если вам недостаточно лет, не пытайтесь играть в Хемингуэев.

Итак, два Эрнеста идут играть. Для игры нужно выбрать какое-нибудь модное кафе или не очень шумный клуб. Не важно, в центре он или нет. Даже если вы заходите в заведение не в первый раз, вы должны быть там как бы впервые. Нужно слегка осмотреться, задать пару вопросов бармену или официантам, мол, что тут и как, надо быть слегка неловкими, но милыми и улыбчивыми. Ни в коем случае нельзя скользить по лицам и фигурам тем самым характерным блуждающе ищущим взглядом... Понятно, о каком взгляде

идёт речь. Глаза Эрнеста должны быть слегка незрячими, глаза должны быть такими, чтобы в поле их зрения хотели попасть.. все женщины.

В свою очередь, необходимо игнорировать женские блуждающие и ищущие взгляды. Те дамы и барышни, которые пришли на откровенный съём, или профессионалки не годятся совершенно. Совсем юных барышень лучше тоже избегать, потому что они не смогут оценить.. Ничего не смогут они оценить. Заметно выпившие женщины?.. Не рекомендовал бы. Но волноваться не надо, найти тех, кто нужен, можно всегда и везде.

Вас не должно останавливать количество женщин, она может быть одна или их может быть пять. Это не важно. Единственно, с ними не должно быть мужчин. Очень хороши для двух Эрнестов дамы, которые решили небольшой женской компанией после работы немного посидеть и выпить. Идеальны подруги, которые вырвались от детей, а мужья у них состоятельные, но весьма занятые люди близкого к Эрнестам возраста. Но самый желаемый объект — это элегантная женщина, которая сидит за столиком одна, например после ссоры со своим мужчиной или просто в ситуации какой-то неприятности.

Знакомство происходит само собой. Но до знакомства нужно привлечь к себе внимание. Например, заказать какую-то очень непростую выпивку, которой официант не знает, и получить отказ. Тогда пригласить кого-то из руководства заведения, и быть при этом не капризным, не конфликтным, а, наоборот, любезным и участливым. Потом пойти к барной стойке и обучить бармена приготовлению той самой смеси, которую вы хотели. Хорошо бы при этом бармена и человека из руководства этого заведения как-то рассмешить, а самому остаться с грустными глазами. Напарник должен при этом просто наблюдать за происходящим внимательно и с улыбкой. Напарник обязан нежно смотреть

на напарника всегда, только тут важно не переборщить и не допустить двусмысленности.

И вот вы знакомитесь. Потом подсаживаетесь к женщинам или женщине... Через короткое время нужно всё взять в свои руки. Должен предупредить, что игра в Хемингуэев — дело не дешёвое. Нужно заказывать напитки... Нужно быть остроумными, милыми... Например, Эрнесты могут устроить искромётную, но дружескую пикировку друг с другом...

Но главное, нужно постоянно восхищаться женщинами, с которыми вы познакомились. Это восхищение должно быть открытым и чистым, без напора и уклона в соблазнение. Но сладость в нём должна быть. Подлинная сладость! Нужно смотреть женщинам прямо в глаза и не отводить взгляда, нужно говорить смелые комплименты, искренне интересоваться всем-всем... И при этом быть не суетливым, слегка грустным и как бы раненым... Раненым жизнью.

Нужно создать атмосферу безопасности, надёжности и подлинной правды!!! Если вдруг возникнет желание и соблазн... С этим нужно бороться... не скрывая борьбы. То есть весь вечер или часть ночи должны пройти по такой тонкой грани, чтобы никто даже и не подумал предложить обменяться телефонами. (С этим у Макса хуже всего.) То есть чем лучше всё складывается, тем яснее должно становиться, что больше мы никогда не увидимся. Никогда! Но лёгкий-лёгкий звук надежды должен висеть в воздухе. И в тот самый момент, когда эта тонкая грань может быть нарушена... нужно проститься! Ни в коем случае нельзя самому доставить женщину или женщину домой. Так как станет известно, где она живёт. И тогда звук надежды станет фальшивым или неоправданно сильным. (Короче говоря, за Макса ручаться нельзя.)

Нужно вызвать такси или поймать его, усадить их или её, последний раз взглянуть очень близко в глаза... И остаться... Лучше всего, чтобы шёл ночной дождь или снег. Из уезжающей машины должны быть видны два неподвижных силуэта

двух Эрнестов. Стоять нужно неподвижно, смотреть вслед. Долго!!!

Проститься прямо в заведении и уйти или печально остаться сидеть за столиком, глядя ей (им) вслед... Пробовали, но это не очень хорошо. Ночь, снег или дождь, или дождь со снегом намного лучше.

А у тех, кто умчались в такси, должно остаться ощущение каких-то нереализованных возможностей и мысль: «Вот ведь, оказывается, как бывает! Вот, оказывается, какие бывают... мужчины». Они должны ехать домой на заднем сиденье такси и... улыбаться.

А два Эрнеста не должны сказать после всего этого «Ессс!», не должны пожать победно друг другу руки. А должны медленно и печально отправиться восвояси, думая: «Вот ведь какие бывают...»

Так получается не всегда. Так сыграть непросто. Но если получается, поверьте — очень приятно... Просто ё-мое, как приятно! И не стыдно!..

Я перестроился в правый ряд, чтобы свернуть с кольцевой в сторону аэропорта. Мелькнул знак со стрелкой и белым самолётиком на синем фоне. Знак указания направления на аэропорт. Сердце самопроизвольно радостно вздрогнуло, а потом так же самостоятельно упало на место. «Нет, нет, — сказал я ему, — мы никуда не улетаем...» Сердце обрадовалось этому белому самолётику и дороге на аэропорт, но ошиблось... Я никуда не улетаю... А надо было бы, и не важно куда. Жаль, что Она здесь, в Москве... Так бы я немедленно улетел к Ней. Я прилетел бы к Ней из Москвы. Позволил бы и сказал: «Я только что прилетел из Москвы. Я прилетел к Тебе...» А когда кто-то прилетает куда-то из Москвы, это почему-то вызывает уважение и понимание, что человек прилетел неспроста. А когда кто-то откуда-то прилетает в Москву — это... Ну, прилетел и прилетел, сколько таких прилетает каждый день.

Самолёт Макса, конечно, задержался. Ненадолго, но задержался. Разумеется, Макс не мог не задержаться. Я пошёл искать кофе.

Как же много людей утром в аэропорту! Удивительно, ведь это недёшево — летать самолётом, но так много людей летают. Как много всякого барахла продаётся в аэропортных киосках и магазинчиках. Причём продаётся намного дороже, чем в обычных местах. Но, если продают, значит, покупают. Покупают всё.

Япил гадкий растворимый кофе из пластикового стаканчика, слушал гулкие объявления о прилётах, отлётах и так далее. И я при этом думал только одну мысль: «Как же сильно я Её люблю! Как же сильно!!!»

Я увидел Её в первый раз ещё летом. Собралась большая компания самых разных людей. Это был не пикник, а новоселье в загородном доме. Съехались какие-то родственники хозяина дома, масса его друзей, дети этих друзей и родственников. Все друг друга отлично знали, а я не знал никого, кроме хозяина дома и его жены. Я построил этот дом. Я архитектор. Ну то есть это так звучит — архитектор!!! На самом деле... Но об архитектуре чуть позже... Короче, я построил этот дом. Я этим занимаюсь.

Дом получился большой, с колоннами. Мне он не очень нравился, но родственники и друзья были в восторге. Все разбрелись по ещё необустроенной территории и по дому. Были на подходе шашлыки. И я уже собрался откланяться и исчезнуть, потому что уже раздал свои визитные карточки тем друзьям хозяина, которые немедленно хотели заказать мне дом... такой же, но немного другой. Она была с мужчиной, который тоже взял у меня визитку. Этот мужчина был лет пятидесяти, высокий и очень загорелый. Симпатичный, но со слишком ухоженной бородкой непростой формы. Он в той компании знал всех, а она никого. Мужчина поминутно представлял её то одному, то другому. Я увидел Её,

просто представился, сказал что-то. Она тоже. Я даже не запомнил её имени, не зафиксировал, какая у неё причёска, и так далее...

Я уехал оттуда ещё до шашлыков... Но на следующее утро я подумал о Ней, а потом днём подумал: «А что Она, интересно, сейчас делает?», а потом вечером: «А кто Ей этот мужик с дурацкой бородой и как Ей с ним, ведь он же зануда, наверняка зануда». Я вспоминал о Ней всё лето и начало осени.

А потом, месяц назад, мы повстречались снова, и с тех пор я просыпался утром, если удавалось уснуть, и думал, что я заболел. И уже целый месяц я жил как бы один бесконечный день. День не заканчивался. Потому что я непрерывно думал одну и ту же мысль: «Как же сильно я Её люблю!!!»

Наконец-то Макс приземлился. Об этом сообщил громкий женский голос. И я пошёл в зал прилёта. Там уже стояли люди, некоторые с цветами, некоторые с табличками, остальные безо всего. На одной табличке было написано «Max Ludvigson». Я подумал, если Макс это увидит — тут же подойдёт и скажет, что это он и есть. Но господин Людвигсон подошёл раньше, чем мой Макс. Этот господин оказался высоким, носатым и в зелёном пальто. От него веяло сильнейшей нездешней скукой. Потом из дверей повалили женщины и мужчины в больших меховых шапках. Наш рейс, догадался я. Макс появился последним.

Он был весь расстёгнут, шапку и шарф нёс в руке. Расстёгнуты были пальто, пиджак и половина рубашки. Волосы торчали в разные стороны, лицо было несвежее, и на нём была дурацкая бородка и усики, которых раньше не было. Он засмеялся сразу, как только увидел меня. Засмеялся от радости. Боже мой, как бы я жил без Макса!

Мы обнялись крепко-крепко. Он смеялся. От него был сильный выхлоп перегара. Макс, конечно, пил во время полёта. Он боится летать.

Мы долго не могли найти машину. Я хоть убей не мог вспомнить, как и где я её парковал. Я, конечно, подъехал к аэропорту и где-то оставил машину, иначе как бы я оказался в самом аэропорту. Но я не помнил этого. Я слишком сильно влюбился... Мы ходили вдоль рядов автомобилей, Макс всё время отставал, застегивался на ходу и беспрерывно чего-то говорил...

Я снова встретил Её месяц назад... Была вечеринка по случаю открытия большого косметического салона. Его сделали мои приятели-коллеги. Я пошёл туда посмотреть на очередной типичный салон с набором типичных модных элементов. Я хотел прийти убедиться, что ничего интересного не получилось, поздравить приятелей с успехом и позлословить на их счёт с другими коллегами. Потом, на таких мероприятиях всегда много красивых женщин, всем скучно, и значит много разных возможностей.

Я архитектор... То есть я не государственный архитектор, который создаёт «застывшую музыку» и фиксирует эпоху... Я не влияю на изменение лица города.. Я построил десяток загородных домов. За четыре из них мне совершенно не стыдно, а одним я просто горжусь. Как-то совпали мои взгляды и интересы с желанием заказчика... И получилось. Этот дом был во многих архитектурных журналах. Другие тоже были ничего, но компромиссные, а стало быть, неинтересные.

Зато я освоил и переделал много первых этажей разных зданий. Я спроектировал и соорудил целый ряд магазинчиков, кафе (два кафе), и даже один фитнес-центр. Я не люблю это делать. Самое неприятное в такой работе — это понимание, а вернее сказать, точное знание, что то, что я теперь делаю — магазин или кафе — ... вот этого скоро не будет. Имеется в виду, что через какое-то непродолжительное время какой-нибудь мой коллега, на том месте, где я строю сейчас кафе, будет планировать какую-нибудь парикмахерскую или

салон оптики. Обязательно будет. Мне уже приходилось видеть, как ломали то, что я сделал всего несколько лет назад. Я не переживаю по этому поводу, просто неприятно.

Хотя, когда мы искали с Максом мою машину, мне было совершенно не до архитектуры. Если я даже не мог вспомнить, где и как я парковал машину, какая тут к чёрту архитектура.

У меня не «феррари» и не «порш». Все почему-то думают, что архитекторы — они такие-сякие. Есть и такие — это звезды, и уже непонятно, в каких космосах они находятся. Я с такими не знаком и тоже видел их только в журналах. Но это, по-моему, уже люди, которые ничего не строят, а только указывают пальцами некие направления. Им можно, им никто не скажет: «Не показывай пальцем, это нехорошо!» А я нет! Я хорошо знаю, какие новые строительные материалы поступают на рынок, где они дешевле. Я отлично умею материться, потому что строители это любят и других слов понимать не желают. Мне кажется, что я умею разговаривать просто со всеми. И ещё мне кажется, что я хороший человек.

Я был женат... там, в Родном городе. А в Москву я приехал уже неженатым. Чуть было не сказал, что был женат неудачно. Просто всегда говорится, в случае если люди разошлись, что брак был неудачным. Люди, может быть, прожили вместе много счастливых лет, а потом что-то пошло по-другому, и вот они расстались. Какая же тут неудача? Вот и я ничего плохого про свою женитьбу не скажу. Было много хорошего, расстались более-менее нормально, даже не без благородства... с обеих сторон... но я об этом не хочу... не могу я теперь об этом.

Как же мне невыносимо! Господи!!! Зачем я так влюбился?!!!

— Ты чего такой зелёный, влюбился, что ли? — Макс покорно трусил за мной. — Ты меня слышишь вообще?!!!

— Мне твоя борода не нравится!
— Шикарная борода, три недели — и готово!
— Сбрей немедленно... Да где же она, ё-моё, а?!

Наконец-то мы нашли машину.

— Ты её моешь вообще? — Макс нарочито брезгливо открыл дверцу.

— А ты зубы чистишь вообще?

Он тут же по-детски прикрыл рот рукой.

— Боюсь летать! Боюсь ужасно! Саня, мне так хочется кофе, булочку и душ! — Макс сложил брови домиком так, как это умеет только он.

А меня зовут Саша.

Максим — он не толстый, а скорее такой... упругий. Он не толстеет, он поправляется. То есть становится всё правильнее и правильнее. Если бы Макс похудел, никто не сказал бы ему, что он в отличной форме, все интересовались бы, не заболел ли он. Его невозможно представить себе худым. Макс из такой породы людей, которые не меняются. Макса все и сразу находят на школьных и даже детсадовских групповых фотографиях. Но эта борода... была очень пошлая!

Мы уже ехали в город, когда Макс спросил:

— Значит, плохая борода?

— Просто нечеловечески!!! Хуже нельзя придумать!

— А я думал, для Эрнеста такая борода будет нормально.

— Какой Эрнест?! Ты скорее похож на сибирского... тореадора. — Я ещё раз в упор посмотрел на Максову бородку. — Кошмар... ужас настоящий!

— Да ладно тебе, я просто не брился три недели, а тут стоял у зеркала, думаю, чего-то похож я на какого-то купчишку или на разбойника.

— Лучше уж разбойник или купчишка. Сибирский золотодобытчик или душегуб, но при этом милый и таинственный. А тут просто какой-то опереточный персонаж, к тому же ещё и пьющий.

— Я же так, слегка..

— Пока ты её не сбреешь, я с тобой вместе даже на заправку постесняюсь заехать.

— Я тебя рассмешить хотел. — Макс повернул к себе зеркало и стал рассматривать бороду, выпячивая вперед подбородок. — Значит, не стоит мне носить бороду?

— Да делай что хочешь! Но ты не видишь разве то же самое, что и я? Ты же смотришь в зеркало! И что, доволен? Это же просто... Ну посмотри, ты сделал себе лицо, среднее между шкипером и мушкетёром. А среднее между шкипером и мушкетёром — это дурак! Причём дурак с претензией.

— Саня, она у меня растёт клочками какими-то, я хотел попробовать... И всё. Сейчас доедем куда-нибудь, и сбрую я её. Не переживай ты так.

— Ну и пускай растёт клочками, как растёт, так и пусть растёт. Или сбривай её совсем, чтобы не было никакой. А эти усы, эти бородки, бакенбарды сраные всякие. Ужас просто. Понимаешь, вот есть у человека лицо, и слава богу!!! Нос или рот, какой бы он там ни был, он есть, и всё. А вот какой-нибудь деятьель отпустит себе усы и тряётся над ними, а когда смотрит на себя в зеркало — он же остаётся доволен. Понимаешь, доволен. Если бы был недоволен, то сбрил бы их или изменил форму усов. Нет! Ему нравятся именно эти, а значит, он сам себе нравится. И нравится по-серьёзному, безо всяких там. Терпеть не могу! Чем пафоснее и серьёзнее какой-нибудь деятьель, тем ухоженнее усы и борода. А эти шкиперские бородки.. Мол, я такой интеллигентный, но романтический и свободный. Все эти пошлые эспаньолки... Представляешь, они же красят их, Макс, красят... Конкистадоры, ядрёна мать. — Я говорил, распялся и гнал машину всё быстрее. — А эти лысые длинноволосые люди. Отрастают с одной стороны длинные потные перья, и давай их зачёсывать на лысину. Тошнит! Тошнит ведь! И лысина от этого у них выглядит, как какой-то мерзкий припудренный прыщ.

Не могу просто! Нет чтобы состричь всё коротко и забыть про это... Но главное, они же смотрятся в зеркала, представляешь!!! И остаются довольны. Это непостижимо!

— Я её сбрею, сказал, значит, сбрею. Я же не спорю. Ты что думаешь, я не понимаю... Что с бородой, что без бороды — один чёрт... Я же пошутить хотел. Но в Москве, вижу, не прокатывают такие шутки. — Макс улыбался, он не обижался, а я чего-то прямо-таки завёлся.

В этот момент зазвонил мой телефон. Началось! Рабочий день подал о себе первый сигнал. Но последний месяц от каждого звонка сердце вздрагивало надеждой... Вдруг это Она! Как жаль, что Она знает мой телефон... Точнее, не то, что она его знает, а то, что он у Неё есть... Или был. Во всяком случае, я его Ей давал. Зачем я это сделал?! Как только я дал ей номер своего телефона, я сразу стал ждать её звонка. Это ужасно!!! И это ещё на фоне того, что я всё время сам хотел позвонить Ей. Номер её телефона высвечивался огненными цифрами прямо у меня в мозгу...

Когда я вновь встретил её, там, на открытии косметического салона... Она увидела меня первой. Я разговаривал с кем-то, а потом перевёл взгляд в сторону и увидел её улыбку. Она уже смотрела на меня и улыбалась. А потом... мы просто поздоровались, вспомнили летнюю встречу. В смысле просто сказали что-то друг другу о той встрече. Говорили ещё о чём-то. Потом меня отвлекли, и она отошла к кому-то. Но я всё время под разными предлогами подходил к ней или тем людям, которые с ней разговаривали. Я внимательно осмотрелся, но не обнаружил того мужчину, который был с ней летом. Если его нет, значит, нужно было выяснить, с кем она пришла. Не может быть, чтобы она была одна.

Отчётливо помню, что мне удалось как бы непринуждённо и даже обоснованно, ну, как бы не просто так, спросить у неё номер телефона. Она сразу же дала мне свою

визитную карточку, протянула её мне, потом извинилась, достала ручку и написала на обратной стороне номер мобильного телефона. Я сделал то же самое... И сразу стал ждать её звонка...

Она в тот вечер была одна. Потом ей кто-то позвонил, она сказала: «Да-да, сейчас выхожу». Так получилось, что я помог ей найти пальто, помог надеть его и проводил до выхода. Она на секундочку оглянулась, сделала такой полуоборот, улыбнулась и слегка повела рукой. Получился почти неуловимый прощальный жест. Она вышла. Мелко-мелко переступая, быстро подбежала к стоящей напротив входа машине. Из неё вышел мужчина, не тот, что был летом. Он сидел за рулём и вышел ей навстречу, открыл ей переднюю дверцу. Она села, он захлопнул дверь, вернулся на своё место, там, внутри, они, кажется, коротко поцеловались. И уехали. Мужчина был в чём-то тёмном, даже скорее в чёрном. Куртка или короткий плащ. Машина была хорошая и не такая, на которой ездят с водителем. За рулём такой машины должен точно сидеть хозяин... машины. Ну конечно, а как же иначе?! Такая женщина!

У меня осталась Её визитная карточка. Я поднес её к глазам. Там было Её имя!!!

Я так боялся увидеть карточку какого-нибудь модельного агентства или узнать, что она дизайнер. Страшно было прочесть также о каком-нибудь диетпитании или про что-нибудь, связанное с юриспруденцией. Журналисткой быть она не могла. Это было очевидно.

Нет! Она работала в туристической фирме. Большой и солидной. Она заведовала там авиаперелётами. Я обрадовался. Самолёты — это прекрасно. Я поцеловал карточку.

А ещё можно было быстренько выяснить, кто её пригласил на это мероприятие... и получить ещё информацию...

Когда я ехал домой, я знал о ней достаточно. Она была знакомой одной из хозяек этого салона, и один мой прия-

тель, из тех, кто делал салон, тоже её немножко знал. Они сказали, что она очень хорошая, она не замужем, у неё есть дочь лет восьми-девяти. И ещё они сказали, что она точно очень хорошая.

Дочь восьми-девяти лет!!! Ни фиги себе. Мне она показалась одновременно и очень юной, и взрослой. Точнее, я почувствовал. Что она старше меня. Хотя это наверняка не так. Моему сыну десять. Но она показалась мне старше меня. Потому что она такая красивая. Все очень красивые женщины кажутся мне... что они меня старше. А она была прекрасная...

Я позвонил ей через три дня. Как я их прожил, не очень понятно. Раньше звонить было нельзя. И так-то было слишком рано. Но больше я выдержать уже не мог.

3

Мы с Максом ехали к городу. Уже стало светло. Наступил такой белёсый день. Зимний облачный день, матовый и не-контрастный. Первый звонок в этот день был не от Неё. Звонил Паскаль, мой забавный французский друг. Архитектор из Парижа. Очень энергичный и деятельный сорокалетний парень. Его отец был когда-то консулом в России. Паскаль отлично знал русский язык. У него был даже не акцент, а какой-то свой очаровательный неправильный, но выразительный вариант русского языка. Этакий диалект, которым владеет только он один. Общаться с ним было очень смешно. Он сильно хотел что-нибудь осуществить в Москве, приехал с этой целью месяца два назад и закрутился... Закрутился так, что его невозможно было остановить. Ему очень нравилось в Москве. Но о каком-то деле он пока не договорился. Я пообещал ему помочь, хотя чем помочь, ни он, ни я — мы оба не понимали.

Он позвонил, чтобы напомнить мне о встрече.

— Саша, прривет, я не разбудил? — Он задавал этот вопрос всегда, даже если звонил вечером.

— Нет! Ну что ты!

— Мы договорились встречаться сегодня. Ты ещё хочешь повстрэчаться?

— Я уже еду к тебе.

— О-о-о! А куда? — спросил Паскаль.

— Паскаль, не проверяй меня, пожалуйста, а! Я помню, во сколько и где мы встречаемся.

— Хорошо, до скорого, пока! — Он отключился.

— Хочешь, познакомлю с модным французским архитектором? — спросил я Макса.

— Хочу! А как же борода?

— Он француз, он не заметит! Поехали, мне надо с ним встретиться. Ненадолго. Там будет кофе и булка.

— Отлично! А я не помешаю? Я могу пока сгонять к своим, а потом повстречаемся где-нибудь. Я бы хотел лучше пока переодеться и душ принять.

— Макс! Что значит — сгоняю к своим. Я тебе не извозчик!

— Да я такси возьму, ты не так понял!

— Макс, не надо! Не надо этого! Я, конечно, тебя отвезу куда нужно. Но можно было об этом сказать раньше, а? У меня сегодня рабочий день. Рабочий! Куда тебя везти?

— Ты чего?! Обалдел? Не мог меня встретить, так и не надо. Проблемы-то нету. Выпусти меня, я машину поймаю.

— Макс!!! Куда ехать?

— Понятно! — Макс отвернулся. — Где ты встречаешься с французом? Вот туда и езжай. Потом разберёмся.

Некоторое время ехали молча.

— Извини, Макс!

Макс не ответил.

Опять ехали молча.

— Макс, извини, говорю.

— Угу. — Максим кивнул головой, не повернувшись ко мне.

Я, не включив сигнал поворота, пересёк правую от меня полосу движения... Потом, чуть не вылетев на тротуар, затормозил... Как только я выскочил из машины и захлопнул за собой дверцу, я закричал. Закричал очень громко. Многие люди оглянулись на меня. Крик получился короткий. Это был крик... в самом конце выдоха. Потом я застонал, наклонился вперед и... заплакал...

4

Паскаль ждал меня в кафе на Пушкинской площади. Он сидел прямо у окна и увидел меня, когда я подходил к кафе. Он радостно замахал рукой. Чёрт бы его побрал... совсем.

Я успел завезти Макса к родственникам. Мы договорились после обеда созвониться и повстречаться снова. Макс чего-то хотел мне сказать. Знаю я, к чему сводятся его разговоры! Надо будет перемещаться по городу и везде выпивать. А ещё, как только он выпьет — сразу начинает звонить бывшим землякам, которые обосновались в Москве. А те будут и рады. Если же не будут рады... всё равно приедут. Макс отказать невозможно.

Я чувствовал, что зря так обошёлся с Максом. Далась мне его борода... Нет! Борода была ужасная, но только вёл я себя... В общем, так нельзя!

Мы договорились встретиться с Паскалем в полдень. Я опоздал минут на пятнадцать. То есть было уже четверть первого, а я так и не придумал хоть сколько-нибудь нормального повода Ей позвонить.

Паскаль бросился мне навстречу и стал обнимать меня как сумасшедший. Это не было такое формальное европейское объятие и поцелуй мимо щеки. Нет! Это были ярост-

ные объятия очень счастливого человека. Паскаль не стал укоризненно постукивать пальцем по стеклу своих наручных часов, дескать, сколько можно тебя здесь ждать. Сам он опаздывал, и ничего. Но если опаздывал я, он надувал щёки и делал непонятный у нас, какой-то, видимо, характерный для Франции, жест. А тут... Он был в восторге от чего-то.

— Саша! Спасибо, дружище! Это так прекрасно! Я очень-очень рад! — Он вёл меня к столику, за которым сидела очень эффектная женщина в чём-то леопардовом и с причёской. Я не сразу посмотрел ей в глаза, потому что бюст был предьявлен как центр внимания.

— Саша, познакомься — это Катеррина, мой первый клиент в Москве!

Слава богу, что я не сказал то, что тут же чуть не выпало у меня изо рта, потому что я чуть не ляпнул: «Зато ты у неё точно не первый клиент!»

— Катеррина — подруга Алёши. Познакомься! — Он посмотрел на Катерину. — Познакомьтесь, это — Саша. Я вам о нём рассказывал.

— Саша, — сказал я и улыбнулся, как мог.

— Катя, — тихо сказала она и протянула мне расслабленную руку ладонью вниз. Вот и пойми, пожимать её или целовать. Я пожал.

— Катеррина — подруга Алёши! Мы начинаем очень интересный проект. Может получится манификально совершенно... очень смело!

— Простите, — извинился я, обращаясь к даме. — Паскаль, дорогой, какой Алёша?

— Ну-у-у?! Алёша! К которому мы ездили смотреть квартиру!

Мое лицо продолжало хранить непонимание, хотя я уже сообразил, о ком идёт речь.

— Алёша! Который хочет большой ремонт и мансарду! — уточнил Паскаль.

СОДЕРЖАНИЕ

Рубашка	5
Непойманный	203

Литературно-художественное издание

Евгений Гришковец

ДВА МАЛЕНЬКИХ РОМАНА

Редактор Алла Мотина

Технический редактор Лидия Синицына

Корректор Татьяна Филиппова

Компьютерная верстка Татьяна Коровенкова

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –

обладатель товарного знака «КоЛибри»

115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции

(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 29.07.2019. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Original Garamond BT».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0.

Тираж 3000 экз. В-ВЕР-25501-01-Р. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А

www.pareto-print.ru